

Хью пришел в себя с чувством, будто по нему раз сто туда-обратно прокатился танк. Тело ломило от дикой, выматывающей боли. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но те даже не дрогнули — о том, чтобы перевернуться на бок, нечего было и думать.

Разочарованно вздохнув, он решил снова уснуть и набраться сил, но тут тишину нарушил тонкий младенческий крик. Откуда, черт возьми, в его квартире взялся ребенок?

С трудом повернув голову на крик, Хью замер. Увиденное повергло его в шок. Рядом в детской кроватке надрывался младенец — его личико покраснело от натуги, рот был широко раскрыт, а крошечные ручки и ножки без устали молотили воздух.

Хью медленно повернул голову в противоположную сторону. В точно такой же колыбельке, безмятежно посапывая, спал еще один ребенок.

«Тогда кто же я, если лежу посредине?»

Хью с трудом приподнял голову и посмотрел на стеклянную перегородку неподалеку. Мутное отражение заставило его мысленно воззвать к небесам.

Пресвятая дева! Из стекла на него глядел пухлощекий младенец с удивленно распахнутыми глазами и крошечным тельцем. Точь-в-точь как те двое по соседству!

«Это просто дурной сон. Я ослышался, обсчитался, сошел с ума... Да ударьте меня кто-нибудь, приведите в чувство!»

Мир вокруг Хью окончательно рухнул. Отказываясь верить глазам, он упрямо дернул своим крошечным тельцем — и с ужасом зафиксировал, как невнятный силуэт в стекле в точности повторил это неловкое движение. Неужели это и правда он?!

Невозможно! Последнее, что осталось в его памяти перед тем, как сознание угасло, — это полумрак ночного клуба.

Торжественная церемония осталась позади, уступив место шумному веселью. Оглушительная музыка, поздравления друзей, восторги по поводу его танцевальной награды... А потом перед глазами внезапно выросла бутылка Лафита 82-го года. Хью запомнил лишь искаженное, безумное лицо своего близнеца Джона, замахнувшегося для удара. Темно-рубиновая жидкость, смешавшись с горячей кровью, потекла по щеке. В тусклом свете клубных ламп это смотрелось пугающе красиво.

До безумия красиво.

Время точно остановилось. Секунда — и тишину прорезал ультразвуковой женский визг, едва не сорвавший крышу заведения. Вспыхнула паника, люди бросились кто куда, сметая все на

своем пути.

Хью рухнул на пол, так и не проронив ни слова. То ли вино, то ли собственная кровь заливали глаза, застилая взор сплошной багровой пеленой. Дикая боль в расколотом затылке безмолвно кричала, что нужно срочно вызывать скорую, но тело отказалось подчиняться. Джон подлетел к нему, истошно вопя. Слов было не разобрать — по губам читалось то ли отчаянное «прости», то ли что-то еще. Хью не знал, что чувствовать. В конце концов, это был его брат-близнец.

Все последующие воспоминания рассыпались серым шумом, превратившись в хаос, напоминающий сводки из зоны боевых действий. От этих мыслей голова начинала болеть еще сильнее.

Получается, он действительно умер?

Хью во все глаза уставился в потолок. Почему вокруг не видно сияющих белокрылых ангелов? Где обещанный Творец? Черт побери, он так старательно умирал совсем не ради этого!

Его что, даже на порог рая не пустили, без лишних слов вышвырнув обратно в мир живых?

Хью недовольно надулся. В этот момент за стеклом палаты остановился мужчина. Он с такой неприкрытой нежностью и радостью уставился на него своими теплыми янтарными глазами, что Хью окончательно растерялся.

«А ты еще кто такой?»

В горле невыносимо пересохло.

«Воды, живее!» — попытался потребовать он, но вместо членораздельной речи из горла вырвалось лишь истошное:

— Уа-а-а!

Мужчина за стеклом заволновался, поспешно позвал медсестру и указал рукой на кровать. Вскоре перед Хью склонилась девушка в белом халате — здешний «ангел милосердия». Она ласково заговорила с ним, баюкая, и поднесла к губам бутылочку с водой.

Вот только Хью мечтал совсем о других ангелах — тех, что с крыльями и арфами!

В знак протеста он недовольно заерзал. Медсестра что-то заворковала в ответ, но смысл ее слов совершенно ускользал от него. Этот язык казался смутно знакомым — точно так же разговаривали люди, когда Хью приезжал с гастролями в Японию.

Неужели японский?

Ему до смерти хотелось разобраться, в какую чертовщину он вляпался.

Но детские силы не безграничны. Хью напоследок взмахнул крошечной ручкой, которая теперь принадлежала ему, и не заметил, как тяжелая сонная пелена накрыла его с головой.

Мужчина за стеклом — отныне его отец — с мягкой улыбкой смотрел на спящего малыша. На спинке пластиковой люльки покачивалась аккуратная карточка с именем: «Маруи Бунта».

Это его сын, его первенец. Маруи Бунта обязательно вырастет выдающимся человеком.

О том, как виртуозно Хью в будущем растопчет эти радужные надежды, история пока умалчивает.

<http://bllate.org/book/18283/1751531>